

Глава 1

Обитатели Тикусэйсо

Он даже не думал, что бег может оказаться таким полезным.

Резиновые подошвы пружинили от твердого асфальта. Наслаждаясь этим ощущением, Какэру Курахара рассмеялся про себя.

По мышцам всего тела прокатывались импульсы, передаваемые от ног. Ветер свистел в ушах. Он чувствовал жар под кожей. Ему не нужно было ни о чем думать. Сердце Какэру перекачивало кровь, а легкие мерно наполнялись кислородом. Тело становилось все легче и легче. Он мог бежать куда угодно.

Но как далеко? И зачем?

В этот момент Какэру наконец вспомнил, почему он сейчас бежал, и немного сбавил темп. Он внимательно прислушался, пытаясь понять, гонятся ли еще за ним, но не уловил ни сердитого голоса, ни звука шагов. В правой руке он сжимал шуршащий пакет с булочкой. Чтобы уничтожить улики, Какэру открыл его и на бегу съел булку. Дожевав, он некоторое время размышлял, что делать с пакетом, а затем засунул его в карман толстовки.

Пустой пакет в руках выдал бы его. Но Какэру не мог бросить мусор на газон. Хотя при таком раскладе это было даже как-то нелепо.

Пусть его больше никто и не заставлял, Какэру все равно не пропускал ежедневных тренировок. Он сжился с этой

привычкой. Мусорить на улице он тоже не мог — несмотря ни на что. Так как с самого раннего детства ему говорили, что этого делать нельзя.

Если уж он убедился в необходимости чего-либо, то всегда неукоснительно следовал тому, чему его научили. И относился к себе в этих вопросах строже, чем кто-либо.

Видимо, оттого, что уровень сахара в крови повысился после съеденной булочки, ноги Какэру снова начали ритмично отталкиваться от земли. Чувствуя биение сердца, он контролировал свое дыхание. Чуть прикрыв веки, он зафиксировал взгляд перед собой: смотрел только на носы своих кроссовок и на белую линию, прочерченную на черном асфальте.

Какэру бежал по тонкой линии.

Придерживаясь порядка и не мусоря на дороге, он тем не менее не чувствовал вины за кражу булочки. Он был доволен тем, что наполнил желудок, который сводило от голода.

«Животный инстинкт», — подумал Какэру.

Чтобы бегать быстро и долго, он тренировался каждый день, причем правильно и продуктивно. Поскольку Какэру был голоден и ничего не мог с этим поделать, он украл булочку в магазине. Поступая так, он ничем не отличался от зверя. Он был зверем, который обходил свою территорию по определенному маршруту и нападал на добычу по мере необходимости.

Мир Какэру был прост и понятен. Бег. Ему лишь была нужна энергия для бега. А все остальное, казалось, не имеет значения и четкой формы — что-то мутное и мерцающее. Однако временами он слышал, как из этого сумеречного тумана доносятся чьи-то голоса.

Ему было приятно бежать по ночной дороге, он пристально всматривался в образы, которые снова и снова

появлялись у него в голове вот уже на протяжении всего последнего года. Чувствовал ярость, от которой все перед глазами окрашивалось в ярко-красный цвет. Вспоминал вскинутый кулак, который вовремя не остановился.

«Может быть, это и есть сожаление. Крик, который я слышу внутри, этот голос, которым я ругаю себя».

Терпеть это становилось невыносимо, он переводил взгляд с одной части пейзажа на другую. Тонкие ветви деревьев, склонившихся над дорогой, тянулись к небу. В это время года уже должны распускаться почки, но пока нигде не видно даже первой зелени. На кончике каждой ветки мерцали звездочки. Бумажный пакет из-под булочки шуршал, словно Какэру наступал на сухие листья.

Вдруг он почувствовал чье-то присутствие, его спина напряглась.

Его преследуют. Точно, кто-то его преследует. Все ближе он слышал какой-то звук, будто скрипит ржавая железяка. Даже если бы он заткнул уши, то почувствовал бы эту вибрацию кожей. Он много раз переживал такое ощущение на соревнованиях. Ритмическую вибрацию от других людей, которая передается по земле. Звук дыхания. Мгновение, когда меняется запах ветра.

Волнение, которого Какэру не испытывал уже долгое время, заставило его сердце и тело трепетать.

Но сейчас он не на замкнутой дорожке овального стадиона. Какэру резко повернул на углу с начальной школой, чтобы запутать следы. Он прибавил скорости.

«Разве они смогут меня поймать? Я обязательно уйду от погони».

Улочки в этом районе были настолько узкими, что понять, частная это территория или общественная, становилось сложной задачей. Повсюду были разветвленные тупиковые переулки. Какэру ловко выбирал маршрут, чтобы

не оказаться загнанным в угол. Он пробежал под темными окнами начальной школы. Затем мчался дальше, бросив взгляд на кампус частного университета, в котором собирался начать учиться этой весной.

Он выбежал на улицу, она оказалась немного шире. На мгновение замешкался, думая, а не повернуть ли направо и рвануть в сторону кольцевой автодороги номер восемь, но в итоге двинулся прямо через жилой район.

Он перебежал дорогу, не задерживаясь на светофоре. Шаги Какэру эхом разносились в тихом квартале. Однако его преследователь, похоже, тоже был знаком с географией этого места и все ближе и ближе подбирался к нему.

Какэру вновь охватило осознание, что он бежит не сам по себе, а спасается от преследования. Ему стало очень обидно. Он всегда убегал. Теперь ему окончательно расхотелось останавливаться. Казалось, если он притормозит сейчас, то признает, что на самом деле удирал.

Прямо под ногами появилось маленькое белое пятно света. Источник луча, который слегка покачивался из стороны в сторону, находился прямо позади Какэру.

«Он на велосипеде?» Наконец Какэру понял, что происходит, а потом поразился самому себе. Ведь он же слышал металлический скрип, но почему-то ему и в голову не пришло, что преследователь на велосипеде. Хотя по опыту он знал, что на такой дистанции угнаться кому-то за ним было практически невозможно.

В какой-то момент Какэру осознал, что его преследует нечто неясное и страшное внутри него самого. Вот почему он так отчаянно бежал.

Почувствовав идиотизм ситуации, Какэру мельком бросил взгляд назад.

Молодой человек крутил педали дамского велосипеда с корзиной. Было слишком темно, чтобы разглядеть

выражение его лица. Но, судя по всему, это не продавец из круглосуточного магазина — фирменного фартука на нем не было. Он был в толстом кимоно-дотэра или в чем-то вроде того, а на ногах, вращающих педали, были сандалии без задников.

«Что все это значит?»

Чтобы разобраться в происходящем, Какэру сбавил скорость. Велосипед, продолжая скрипеть, как старое колесо водяной мельницы, уже двигался с ним бок о бок.

Краем глаза Какэру посмотрел на человека на велосипеде. У парня были четкие черты лица и влажные волосы, словно он только что вышел из ванны. Почему-то в корзине его велосипеда было два тазика для мытья. Время от времени этот парень тоже бросал взгляд на Какэру. Особенно часто на ноги.

«Неужели он извращенец? Да быть такого не может», — подумал Какэру, чувствуя холодок.

Парень на велосипеде держался на небольшом расстоянии, молча двигаясь параллельно Какэру. Какэру продолжал бежать, не сбиваясь с темпа, оценивая поведение преследователя. Попросил ли его догнать тот продавец магазина, или он просто прохожий, не имеющий к нему никакого отношения? В тот момент, когда тревога, напряжение и раздражение достигли пика, до ушей донесся спокойный голос, похожий на шум далекого моря:

— Тебе нравится бегать?

Какэру остановился от удивления. Словно человек, который в испуге замер на краю обрыва, обнаружив, что дорога перед ним внезапно исчезла.

Какэру стоял посреди жилого ночного района. Биение сердца гулко отдавалось в ушах. Велосипед, двигавшийся рядом с ним, с пронзительным скрипом затормозил. Какэру медленно обернулся. Молодой человек пристально смотрел

на него. И тут наконец Какэру понял, что именно этот парень сейчас задал ему вопрос.

— Не останавливайся так резко. Давай еще немного проветримся.

Сказав это, парень вновь стал медленно крутить педали велосипеда. Какэру недоумевал, почему он должен следовать за совершенно незнакомым человеком, но им словно что-то управляло, и ноги сами двинулись дальше.

Глядя на спину парня в толстом кимоно, Какэру почувствовал нечто среднее между гневом и раздражением. Как же давно его спрашивали последний раз, что ему нравится и не нравится в беге.

На такой вопрос есть два ответа. «Мне нравится», и это можно сказать с такой же легкой интонацией, как когда, например, на стол выставляют любимое блюдо. Или коротко отрезать: «Мне не нравится» — с брезгливостью человека, выбрасывающего мусор на помойку. Но Какэру, похоже, не мог сделать ни того ни другого.

«Я не могу ответить на подобный вопрос», — подумал он.

Хотя у него не было цели, к какой он должен был стремиться, он продолжал бегать день за днем. Разве среди таких людей, как он, есть кто-то, кто бы мог ясно ответить на подобный вопрос?

Лишь в детстве Какэру был счастлив бегать — по траве, по холмам и полям. После этого он был заточен в овале стадиона, где сражался со скоростью течения времени. До того самого момента, когда взрывной импульс в тот день не разрушил все, чего он достиг.

Парень на велосипеде постепенно замедлял скорость и в конце концов затормозил перед небольшим магазином с опущенными жалюзи. Какэру тоже остановился и по привычке сделал простую растяжку, чтобы расслабить мышцы.

Молодой человек купил две банки с холодным чаем в автомате, излучавшем ровный свет, и бросил одну из них Какэру. На площадке перед магазином они оба присели на корточки. Какэру почувствовал, как холод банки в его руке впитывает тепло тела.

После некоторого молчания парень заговорил:

— Ты хорошо бегаешь. Извини, я секундочку... — Он вдруг протянул руку к икрам Какэру, обтянутым джинсами.

«Даже если этот парень извращенец, мне уже все равно», — подумал Какэру. Он не отвел руку от своей ноги. В горле так пересохло, что он залпом выпил чай.

Словно врач, определяющий, есть ли у пациента опухоль или нет, парень прощупал мышцы ног Какэру. Затем поднял лицо и посмотрел прямо ему в глаза.

— Зачем ты воруеть?

— А вы вообще кто? — ответил вопросом на вопрос Какэру, а затем выбросил пустую банку в мусорный бак неподалеку.

— Меня зовут Хайдзи Киёсэ. Я студент четвертого курса литературного факультета Университета Кансэй.

Это был университет, в котором собирался учиться Какэру. На автомате Какэру тоже представился:

— А я... Какэру Курахара.

Со времен средней школы он привык к иерархии спортивных клубов, напоминающей армейскую, и по-особенному относился к тем, кто был старше его, к своим сэмпаям.

— Хорошее у тебя имя, Какэру. Пишется тем же иероглифом, что и «бег».

Парень, назвавший себя Хайдзи Киёсэ, говорил с ним по-приятельски, не добавляя к имени суффикса «-сан», как обычно делают при разговоре с незнакомыми.

— Живешь поблизости?

— Я тоже буду учиться в Университете Кансэй с апреля.

— Ого!

Какэру стало не по себе от странного блеска в глазах Киёсэ. Сначала этот совершенно незнакомый человек гнался за ним на велосипеде, теперь щупает ноги. С этим типом и правда что-то не так.

— Ну, мне пора. Спасибо за чай.

Какэру попытался было встать, но Киёсэ резко остановил его. Он потянул за край рубашки Какэру и дернул вниз, чтобы тот вновь сел.

— А на каком факультете?

— ...на социологии.

— Зачем ты воруешь?

Разговор вернулся к начальной точке, а Какэру снова присел, словно космонавт, неспособный освободиться от земного притяжения.

— Что вам вообще от меня надо? Пытаетесь мне угрожать?

— Вовсе нет. Я просто подумал, вдруг у тебя проблемы, а я смогу помочь.

Какэру еще больше насторожился. У Киёсэ определенно был какой-то скрытый мотив. Вряд ли он предлагает помощь по доброте душевной.

— Не могу же я просто закрыть на это глаза, особенно теперь, когда знаю, что ты из нашего университета... Проблемы с деньгами?

— Ну... вроде того.

Какэру ожидал, что тот одолжит ему денег, но у Киёсэ в тот момент было всего два тазика для мытья и немного мелочи. Он просто продолжал задавать вопросы, не пытаясь дать в долг.

— А родители тебе деньги не присылают?

— Все, что мне дали на первый взнос за квартиру, я потратил на маджонг. Пока не переведут за следующий месяц,

мне ничего не остается, как спать на улице на территории кампуса.

— Спать на улице...

Киёсэ наклонился вперед и, пристально разглядывая ноги Какэру, стал о чем-то размышлять. Какэру почувствовал себя неловко и пошевелил в кроссовках пальцами.

Через некоторое время Киёсэ с искренним сожалением в голосе сказал:

— Это ужасно. Если хочешь, я могу договориться в доме, где сам живу. Там как раз есть одна свободная комната. Наш дом называется Тикусэйсо, он недалеко отсюда. До университета пять минут пешком, квартплата тридцать тысяч иен.

— Тридцать тысяч?

Какэру непроизвольно вскрикнул. Что за тайны скрывает дом с такой низкой квартплатой? Он содрогнулся, представив себе кровь, которая сочится из стенового шкафа каждую ночь, и белую фигуру, бродящую по темным коридорам. Какэру, который жил в мире, где скорость можно измерить с помощью приборов, и находил удовольствие в кропотливом построении собственного тела, пригодного для ежедневного бега, испытывал страх перед всякими странными явлениями, призраками и сверхъестественным.

Однако Киёсэ, похоже, подумал, будто горестный возглас Какэру относится к тому, что он на мели из-за маджонга.

— Не волнуйся. Можно поговорить с хозяином, и он подождет с квартплатой. В Тикусэйсо даже залог не нужен.

Не дожидаясь ответа, Киёсэ выбросил пустую банку, встал и пнул ногой подножку велосипеда. Какэру охватывало все больше сомнений по поводу Тикусэйсо, в котором живет этот странный парень.

— Так, ну пойдем быстрее. Я тебя отведу, — сказал Киёсэ, поторапливая его. — Но перед этим нужно забрать твои вещи. Ты где спал в кампусе?

Какэру жил рядом с тренажерным залом. Он прятался за наружной бетонной лестницей от ветра и дождя. Все, что он привез из дома, помещалось в спортивную сумку. Перед отъездом он подумал, что, если ему понадобится что-то еще, он всегда может попросить домашних это прислать. Не подобрав квартиру заранее, Какэру покинул дом и приехал в Токио. А приехав сюда, стал захаживать в клуб маджонга, пока не остался без гроша в кармане.

Но при этом он не чувствовал беспокойства или страха. Проводить дни в одиночестве там, где не было знакомых, совсем не сложно. Даже наоборот — у него было ощущение свободы. Хотя, разумеется, ему хотелось уже определиться с жильем до начала занятий. Да и жить, подворовывая в магазинах во время пробежки, тоже надоело.

Увидев, что Какэру послушно встал, Киёсэ с удовлетворением кивнул. Он не стал садиться на велосипед и пошел пешком, толкая его перед собой, при этом цепь громко скрипела. Уличные фонари ярко освещали потрепанное кимоно Киёсэ.

Странно, но, несмотря на то что Киёсэ, казалось, уделял много внимания бегу Какэру, он не спрашивал, занимался ли тот раньше легкой атлетикой. Он также не сказал ему, чтобы Какэру перестал воровать в магазине. Какэру решительно задал вопрос, когда Киёсэ ушел немного вперед:

— Киёсэ-сан, почему вы решили позаботиться обо мне?

Тот обернулся и, как человек, обнаруживший зеленые сорняки, пробивающиеся из щелей в асфальте, безмятежно улыбнулся.

— Можешь называть меня просто Хайдзи.

Какэру зашагал плечом к плечу с Киёсэ, толкавшим велосипед. Какой бы дешевой ни была эта квартира,

какими бы странными ни были ее обитатели, это в любом случае лучше, чем жить на улице.

Дом оказался еще более старым, чем он предполагал.

— ...Хайдзи-сан, мы сюда шли?

— Да, это дом Тикусэйсо, с иероглифами «зеленый» и «бамбук» в названии, поэтому мы зовем его иногда Аота-кэ — «зеленый бамбук».

Киёсэ гордо поднял голову и посмотрел на здание. Какэру был просто ошеломлен. Он впервые видел такой старый дом, который даже не был культурной ценностью.

Двухэтажное деревянное здание выглядело потрепанным и таким, словно в любой момент могло рухнуть. Сложно было поверить, что в нем кто-то живет. Особенно пугало то, что из некоторых окон лился мягкий свет.

Тикусэйсо находился посередине между университетом и общественной баней «Цуруною».

Пройдя через переулок, можно было оказаться в районе, где возводились современные многоэтажные дома, а между стройками располагались старые поля.

Тикусэйсо окружала пышная зеленая изгородь. Ворот не было, но через щели в кустах виднелся участок. С левой стороны большого двора, усыпанного гравием, в самой глубине стояла одноэтажная постройка, в которой, похоже, жил хозяин. Судя по всему, черепицу на крыше только что переложили, так как она слегка блестела, отражая свет звезд. А здание с правой стороны и было тем самым Тикусэйсо.

— Всего здесь девять комнат. Теперь благодаря тебе, Какэру, и в последней девятой появился жилец.

Ступая по гравию, Киёсэ подвел Какэру к входной двери. Это была решетчатая раздвижная дверь с тонким стеклом. Над длинным узким козырьком, где копошились

крошечные насекомые, мерцала уличная лампа. Благодаря этому слабому свету Какэру смог разобрать, что написано на старой деревянной табличке рядом со входом. Там размашистым почерком было выведено: «Тикусэйсо».

Киёсэ небрежно поставил велосипед, взял под мышку два тастика, вставленные друг в друга, и протянул руку к раздвижной двери.

— Я познакомлю тебя с нашими. Все здесь — студенты Кансэя. Чтобы попасть внутрь, есть небольшая хитрость, — добавил он, приподнимая наверх с трудом поддающуюся дверь и толкая ее в сторону.

В прихожей был бетонный пол, сбоку от входа — шкафчик для обуви с дверцами. Похоже, он также использовался в качестве почтового ящика. Над дверцами были горизонтальные щели, а номера комнат, нацарапанные на бумаге шариковой ручкой, прикреплены скотчем. Эти бумажки порядком пожелтели от солнца. Судя по шкафу, на первом этаже было четыре комнаты, а на втором — пять.

Лестница справа от входа вела на второй этаж. Даже не подходя к ней, Какэру увидел, как она покосилась. Ему показалось удивительным, что здание до сих пор не рухнуло.

Киёсэ снял сандалии и сказал Какэру:

— Заходи.

Какэру положил кроссовки в шкафчик с номером 103, как ему и сказал Киёсэ.

В этот момент кто-то проговорил:

— Хайдзи-сан, привет!

Какэру в замешательстве огляделся. Никого не было видно. Даже Киёсэ с удивлением сдвинул брови.

— Сюда смотри, я тут! — вновь донесся голос.

Какэру и Киёсэ посмотрели наверх. Над прихожей в потолке была дыра размером с кулак. Казалось, что кто-то

пытается протиснуть в нее свое лицо. В разломе были видны лишь глаза с озорным выражением.

— Дзѣдзи... — прошипел Киёсэ низким голосом, — ...что это еще за дыра?

— Я просто наступил — и вот!..

— Сейчас подойду, жди.

Видно было, что Киёсэ рассердился, но он бесшумно поднялся по лестнице. Какэру был озадачен, но решил последовать за ним. Стоило ему поставить ногу на ступеньку, как она громко заскрипела, будто это был «соловьиный пол»*.

Поднявшись по темной и крутой лестнице, Какэру осмотрел второй этаж. Потолок оказался выше, чем можно было предположить. Рядом с лестницей находились две двери, ведущие, видимо, в туалет и ванную, а рядом с ними — комнаты. В другой стороне коридора было еще три комнаты. Во всех царила полная тишина, свет был только в комнате 201, центральной из трех, что располагались напротив лестницы.

Киёсэ решительно подошел к 201-й и без стука открыл дверь. Какэру осторожно заглянул в комнату с порога.

Комната 201 была площадью около десяти татами**, посередине стоял низкий чайный столик, который разделял два футона, разложенных на полу. Видимо, здесь жили двое. Вокруг футонов беспорядочно валялись книги и личные вещи жильцов.

Но больше внимания привлекли сами обитатели комнаты. Два парня, похожие как две капли воды, умоляюще

* В Средние века, чтобы чужому человеку было трудно прокрасться незамеченным, внутри дворцов и храмов мостили так называемые угуисубари (угуису — «соловей», бари — «натяжение»), или «соловьиные полы», которые сильно скрипели.

** Примерно 16 кв. м.

смотрели на вошедших. Идентичные близнецы. Какэру переводил взгляд то на одного, то на другого, будто бы играл в детскую игру «Найди отличия».

— Я же говорил, что нужно быть аккуратнее. Кто из вас наступил? — холодно спросил Киёсэ, уперев руки в бока.

Близнецы, сидевшие рядом, начали говорить одновременно:

— Ниитян* сделал это!

— Это Дзёдзи!

— Подло, Нии-тян, сваливать вину на младшего брата.

— Разве это не ты ее расширил?

— Я просто застрял в той дыре, которую ты сделал!

У них даже тон голоса был совершенно одинаковым. Киёсэ махнул правой рукой, призывая их обоих замолкнуть.

— Вы разве не заметили, что над прихожей между досками уже такие щели?

Хотя татами и занимали почти всю комнату, над тем местом, где располагалась прихожая, пол был не покрыт. Близнецы синхронно кивнули в ответ на замечание Киёсэ.

— Мы аккуратно ходили.

— Мы просто шли. Как обычно. И вдруг — хрясть!

Киёсэ хмыкнул под нос.

— Если и дальше будете ходить «как обычно», доски вконец расшатаются. Ступайте как можно осторожнее. Понятно?

Близнецы снова синхронно кивнули. Киёсэ осторожно встал на колено и осмотрел отверстие.

— Хм, Хайдзи-сан? — робко позвал Киёсэ один из близнецов.

— Что еще?

* «Ниитян» дословно переводится как «старший брат». Так часто обращаются к старшему брату младшие в семье.

— А это кто?

Взгляды близнецов были прикованы к Какэру, растерянно стоявшему у двери.

— Ах да! — сказал Киёсэ, будто только что вспомнил, и обернулся на Какэру. — Это Какэру Курахара. Он, как и вы, начинает учиться в Кансэе этой весной. С сегодняшнего дня он будет жить здесь.

Какэру вошел в комнату, встал рядом с чайным столиком, а затем слегка поклонился.

— Рад знакомству.

— Приятно познакомиться, — хором ответили близнецы.

— Какэру, это близнецы Дзё. Старший — Таро Дзё, младший — Дзиро Дзё.

Близнецы кивнули по очереди: в том порядке, в котором их представили. Наверное, стоило им пересесть, Какэру уже не смог бы их различить.

— Можешь называть меня Дзёдзи, а моего брата — Дзёта, — дружелюбно сказал младший из братьев. — Все нас так зовут.

— Какэру, как ты думаешь, нельзя ли из этой дыры извлечь какую-то практическую пользу?

Таро тоже разговаривал по-приятельски. Какэру не нашелся что ответить и только что-то промычал. Братья так быстро тараторили, он за ними не поспевал.

Киёсэ встал.

— Давайте хоть журналов положим, чтобы дыру прикрыть, — сказал он, глядя вниз. — А когда наступили сюда, ноги никто не повредил?

— Нет, всё в порядке.

Близнецы покачали головами с одинаковой скоростью. Было видно, что они вздохнули с облегчением, поняв, что Киёсэ больше не сердится.

«Они так его боятся; похоже, этот Хайдзи-сан здесь большой человек», — подумал Какэру. Представив, с кем ему придется жить вместе в этом старом доме Тикусэйсо, Какэру тяжело вздохнул. Где бы он ни оказался, повсюду его преследовала иерархия и подчинение старшим.

— Я до сих пор даже не проводил Какэру в его комнату. Пожалуйста, не разрушайте Аотакэ еще больше, — попросил Киёсэ и быстро вышел из комнаты 201.

Дзёта и Дзёдзи проводили Какэру до двери.

— Ну вот ты и узнал, какое у нас тут захудалое местечко, — сказал один из близнецов.

— Но вообще-то здесь тихо и уютно, — добавил второй.

Какэру пожелал им спокойной ночи и последовал за Киёсэ вниз по лестнице.

И правда, как они и сказали, здесь было тихо. Несмотря на то что близнецы подняли такой шум, он не видел других обитателей. Может, никого дома и нет. Он слышал только шелест в зарослях деревьев вокруг здания да редкие звуки проезжающих вдалеке машин. Через открытую входную дверь доносился легкий весенний ночной ветер, приносивший запах земли с полей.

Какэру забрал спортивную сумку, оставленную при входе на полу. Дыра в потолке была теперь закрыта журналом с моделью в купальнике на обложке. Из спальни близнецов больше не проникал свет, в прихожей стало темно.

Наконец Какэру смог спокойно рассмотреть первый этаж Тикусэйсо. Судя по всему, его планировка мало чем отличалась от планировки второго этажа. Они прошли по коридору от входа в глубь дома.

В левой части коридора располагались по очереди кухня, комната 101 и комната 102. Комната 201, где жили близнецы, находилась прямо над входом и кухней. Поэтому на втором этаже было на одну комнату больше. Киёсэ жил в комнате 101,

которая, судя по всему, находилась под комнатой 202. То есть комната 203 должна была находиться над комнатой 102.

У правой стороны коридора первого этажа планировка совпадала с правой стороной второго этажа. Рядом с лестницей — двери в туалет и ванную, а в глубине — комнаты 103 и 104. Они находились под комнатами 204 и 205.

Шагая вслед за Киёсэ, Какэру уже собирался выйти в коридор, но остановился как вкопанный. В конце коридора первого этажа поднимался густой белый дым, он выглядел опасно.

— Хайдзи-сан, разве это не пожар?

Но, казалось, увиденное не слишком впечатлило Киёсэ.

— А, это? — переспросил он и собирался было объяснить происходящее, но в этот момент дверь комнаты 102 в глубине коридора резко распахнулась. Из комнаты выскочил человек. Какэру решил, что он тоже заметил пожар, но тот не стал подходить к Какэру и Киёсэ, стоявшим возле входа, а резко забарабанил в дверь комнаты 104 напротив.

— Сэмпай! Эй, Никотян!

Он стукнул раз десять, да так сильно, что зашатались все двери на первом этаже. Наконец дверь комнаты 104 открылась.

— Чего шумишь, Юки?

Фигура вышедшего казалась крупной, но подробнее Какэру разглядеть ее не мог, таким густым был дым. Судя по всему, эти двое не заметили Какэру и Киёсэ, которые находились возле кухни, и начали ожесточенно выяснять отношения.

— У меня из-за твоих сигарет в комнате уже не продохнуть!

— Тоже мне проблема, зато можешь курить и деньги не тратить!

— А я не курю! Это мне мешает. Кончай, короче.

Жилец из 102-й стал махать руками, чтобы разогнать дым, который уже долетел даже до того места, где стоял

Какэру. Теперь он тоже чувствовал запах сигарет. Пожара определенно не было, но спор этих двоих разгорался все сильнее.

— А ты вообще громко музыку слушаешь. Врубаешь эту какофонию, всю ночь по ушам бьет. У меня уже кошмары!

— Ночью я в наушниках слушаю.

— А мне все равно слышно. Этот грохот.

— Дом старый, что поделаешь.

— Так и я не в восторге, что дым от моих сигарет в коридор тянет. Разве я виноват, что дверь плохо закрывается...

— Хватит уже.

Киёсэ хлопнул в ладоши и привлек внимание спорящих.

— Как раз вовремя. Позвольте представить вам нашего нового соседа.

Когда они закончили словесную перепалку, стало ясно, что из комнаты 102 доносится музыка с низкими басами и электронными битами, а из комнаты 104 вьется белый, как от сухого льда, сигаретный дым. Какэру не хотел идти туда, но Киёсэ, не обращая ни на что внимания, направился в конец коридора, где стояли спорившие.

Жильцы первого этажа притихли и замерли с поднятыми кулаками и открытыми ртами. Они ждали приближения Киёсэ и нового соседа Какэру.

— Сэмпай, Юки, это Какэру Курахара, теперь он будет жить в комнате 103. Он студент первого курса социологии. Какэру, это старожил Тикусэйсо — Акихиро Хирата из комнаты 104. Все зовут его Никотян-сэмпай.

— Потому что он — великий демон никотина, — сказал с раздражением Юки, за спиной которого громко играла музыка.

Однако Киёсэ осек его и продолжил:

— Никотян-сэмпай этой весной будет студентом третьего курса факультета естественных наук. Он был моим

сэмпаем, когда я только приехал сюда, но как-то незаметно стал на курс младше меня.

Никотян, обладавший крепким, как у медведя, телосложением, без улыбки кивнул Какэру.

— Значит, теперь ты мой сосед. Будем знакомы.

Никотян совсем не был похож на студента, выражение лица было довольно дерзким, а щеки поросли щетиной. Какэру вполголоса спросил Киёсэ:

— А сколько лет можно учиться в университете?

— Восемь, — ответил Киёсэ.

А вслед Никотян добавил:

— Это мой пятый год.

— А еще он дважды провалился на вступительных, — нетерпеливо перебил Юки, чье настоящее имя все еще было неизвестно.

«Значит, в этом году ему исполнилось двадцать пять?» — Какэру быстро подсчитал возраст будущего соседа и еще раз посмотрел на Никотяна, который держался с большим достоинством.

Судя по всему, он не сердился на подколы остальных и сохранял спокойствие. Какэру не слишком хотелось дышать табачным дымом, но, с другой стороны, Никотян выглядел славным парнем, с которым легко поладить.

Наконец Киёсэ представил второго:

— Какэру, а это Юкихиро Ивакура. Он студент юридического факультета и учится на четвертом курсе, как и я. Мы зовем его Юки. Несмотря на его внешний вид, он смог сдать сложный экзамен по адвокатуре.

— Здравсьте, — коротко поздоровался Юки.

Прозвище Юки означало «снег»: его кожа была очень белой, почти что болезненно-белого оттенка. Он был долговязым, носил очки и, судя по выражению лица, был

очень чувствителен ко всему. Какэру подумал, что — по возможности — не стоит делать ничего, что может не понравиться этому парню.

Никотян достал сигарету из кармана. Сделав вид, что он не заметил осуждающего взгляда Юки, Никотян прикурил.

— Хайдзи. Что там за шум был только что наверху?

— Близнецы, как я и боялся, все же проломил доску в полу.

— Быстро они управились, — сказал Юки и рассмеялся.

— Балбесы они, вот кто.

Было видно, как дернулась мышца на щеке Юки.

— Им специально выделили самую большую комнату в Аотакэ, а теперь они просто пол проломил. Могли и не стараться так ради них.

— Пол в комнате над прихожей с самого начала был хлипким. Надо придумать, как его укрепить.

В ответ на слова Киёсэ Юки нахмурился.

— Я думаю, это вина Принца.

Во время разговора Киёсэ и Юки Какэру молча стоял рядом с Никотяном. У последнего был поразительный объем легких, от сигареты за минуту остался всего лишь обгоревший хабарик. Он затушил его о дверь в свою комнату.

— Слушай, Какэру...

Как и следовало ожидать, Никотян тоже обратился к нему по-свойски, не добавляя к имени «-сан».

— Я сейчас заметил одну крутую штуку.

— Какую?

— У вас троих те же имена, что и у персонажей аниме из серии «Театр мировых шедевров»...

— Э-э...

Какэру не разбирался в аниме, поэтому только промычал в ответ. Никотян, зажав вторую сигарету между пальцами, показал по очереди на Киёсэ, Какэру и Юки.

— С Хайдзи все понятно. У Какэру фамилия Курахара, поэтому он Клара. И наконец, Юки — это коза. Круто, да?*

— А почему вдруг коза?

— А я Петер, и...

Юки, прервав разговор с Киёсэ, стал заталкивать Никотяна в комнату 104, проигнорировав его последнюю фразу. После чего он с силой закрыл за ним дверь. Пылая от ярости, Юки повернулся и ушел в свою комнату. Дверь 102 тоже громко хлопнула, и в темном коридоре остались лишь клубы дыма и была чуть слышна музыка.

— Э-э... — вновь промычал Какэру, но Киёсэ только слегка пожал плечами.

— Не бери в голову. У них всегда так. Вроде ты им понравился, все отлично.

«Понравился? Правда?» — Какэру охватывало все большее недоумение, но он промолчал, прошел назад по коридору и увидел, как Киёсэ открывает дверь в комнату 103.

— Ну, вот и твоя комната, Какэру. Ключ вон тут.

Киёсэ указал на латунный ключ с круглой головкой, висящий на внутренней стороне двери комнаты.

— Если нужно закрыть комнату изнутри, вставляешь с внутренней стороны двери, если снаружи, то точно так же с другой стороны. Это быстро надоедает, поэтому почти никто не запирает комнаты, пока находится дома.

Какэру взял матовый металлический ключ. Он выглядел таким старинным, будто когда-то им открывали какую-нибудь волшебную дверь. Покрытие местами облупилось, да и форма была сглаженной: наверное, им пользовалось немало бывших жильцов этой комнаты.

* «Хайди — девочка Альп» (1974) — аниме-сериал Zuiyo Enterprises на основе рассказа «Хайди» швейцарской писательницы Йоханны Спири (1827–1901).

Киёсэ прошел вперед и открыл окно в комнате 103, чтобы проветрить. Комната была площадью не больше шести татами, кроме того, в стену оказался встроен шкаф. Какэру попробовал открыть раздвижную ширму шкафа. Никаких пятен крови, как он фантазировал, там не оказалось, и, несмотря на то что комната была старой, выглядела она опрятно.

— Завтра покажу тебе, где можно фютон взять напрокат. Сегодня придется перекантоваться под моим одеялом. Я принесу его позже.

— Столько теперь хлопот из-за меня.

— На каждом этаже есть туалет и умывальная комната. На кухне каждый месяц вывешивается график дежурств. Ты новенький, поэтому можешь начать с апреля. Я готовлю завтраки и ужины.

— Один для всех?

— Да, но без изысков. Обед каждый покупает себе сам. Если не нужен завтрак или ужин, скажи мне об этом накануне.

Киёсэ бойко объяснял правила Тикусэйсо:

— Чтобы помыться, можно сходить в общественные бани «Цуруною», несколько минут ходьбы отсюда, или принять ванну в доме хозяина. Но это можно сделать между восемью и одиннадцатью часами вечера. Предварительно сообщать об этом не надо и мыть ее тоже не нужно. Мытье ванны — хобби хозяина дома.

— Ясно.

Какэру сосредоточенно слушал Киёсэ, чтобы ничего не упустить.

— Комендантского часа нет. Если что-то непонятно, спрашивай.

— А время завтрака и ужина?

— Все в разное время едят, в зависимости от занятий, поэтому, как правило, просто разогревают и едят у себя.

Обычно около половины девятого утром и половины восьмого вечером.

— Ясно.

Какэру кивнул, а затем еще раз поклонился.

— Большое спасибо за помощь.

Киёсэ снова улыбнулся. Какэру подозревал, что он не просто так привел его жить в Тикусэйсо, но теперь, когда он увидел половину обитателей этого дома, продолжать подозревать в скрытых планах стало сложнее. Киёсэ и остальные соседи, с которыми он познакомился, были немного странными, но они сразу же приняли Какэру. Улыбка Киёсэ была очень скромной и мягкой, без намека на высокомерие.

Из кухни донесся бой настенных часов.

— Половина одиннадцатого?

Словно вспомнив что-то, Киёсэ перевел взгляд на оставленные у входа тапки.

— Ты еще успеваешь в ванную хозяина дома. Пойдем поздороваемся, если не устал?

Они снова вышли наружу. Киёсэ посоветовал Какэру надеть сандалии, чтобы не возиться с ботинками. Судя по всему, для прогулок по округе их носили все жители Тикусэйсо. В прихожей стояло несколько пар сандалий.

Они прошли по гравию, пересекли сад и направились к одноэтажному деревянному дому хозяина. Хотя вряд ли это можно было назвать настоящим садом — всего несколько больших деревьев, создающих тень, которые росли сами по себе вдоль живой изгороди, остальное выглядело заброшенно. Довольно большой белый микроавтобус казался таким же неухоженным, как и сад, в котором был припаркован. Для парковки не было выделено отдельного места; видимо, водитель ставил машину просто куда нравилось.

Слишком расточительное использование земли в черте города. Оттого ли, что Какэру наконец нашел где жить, он

вдруг с теплом подумал о том районе, где находился его университет.

А ведь прежде он считал, что Токио — это просто хаотичное и суетное место. Какэру глубоко вдохнул ночной воздух. Но оказалось, что это не так. Здесь люди тоже выстраивали изо всех сил свои жизни. Так же, как и в его родном городе. Кто-то сажал живую изгородь, разбивал сад, искал уюта. Здесь тоже текла обычная человеческая жизнь.

В темноте послышалось взволнованное дыхание какого-то существа — видимо, оно отреагировало на их шаги. Присмотревшись, он увидел, что из-под обходной галереи дома хозяина вышла светло-коричневая дворняга и направилась к ним, энергично виляя хвостом.

— Я забыл о нашем важном соседе.

Киёсэ присел на корточки и погладил собаку по голове.

— Это собака хозяина дома, Нира.

— Странное имя.

Какэру тоже присел рядом и заглянул в черные влажные глаза собаки.

— Его нашел сэмпай, который раньше жил в Аотакэ, — сказал Киёсэ, приподнимая пальцами висячие уши Ниры. — На Окинаве словом «нира» описывают рай, кажется... В любом случае он вроде поэтому назвал так собаку.

— Хм, рай?

Собака выглядела симпатичной и беззаботной. Возможно, для такого ангельского вида имя очень подходило.

— Глупая псина, ко всем ластится. Но симпатяга.

Некоторое время Киёсэ еще играл с ушами и разглаживал хвост собаки, а Нира по-прежнему демонстрировала свою глубокую привязанность. Какэру также погладил ее по голове в знак приветствия. Нира была не на цепи, на ее шее красовался красный кожаный ошейник.

— Тебе идет, — шепнул Какэру собаке.

Хозяин дома, Гэнъитиро Тадзаки, был бодрым и здоровым стариком.

Киёсэ слегка сгустил краски, рассказывая о ситуации Какэру, и попросил немного подождать с квартплатой. Хозяин дома кивнул, даже не моргнув глазом. Однако, услышав имя Какэру, он слегка переменялся в лице.

— Какэру Курахара... А ты, случаем, не Какэру Курахара из школы Дзёсэй в Сэндае?

Он спросил это так поспешно, будто ему в лицо попали мелкие морские брызги на пляже, было непонятно, раздражен он или взволнован. Какэру напрягся, ведь перед ним стоял человек, который, казалось, знал его прошлое. И опять всколыхнулась настороженность, ведь зачем-то Киёсэ привез его к Тикусэйсо, на душе от этого стало противно. Какэру хотел держаться подальше от мира атлетики, всех этих рекордов, ревности и соперничества с товарищами по команде, которые всячески подогревали в спортсменах.

Какэру напряженно стоял в дверях дома хозяина, опустив глаза. Было понятно, что он о чем-то думает, но хозяин дома не стал больше приставать с расспросами.

— Ну, желаю тебе подружиться с ребятами. Только дом не ломайте, ладно?

С этими словами он тут же удалился в гостиную, откуда доносились звуки телевизора. Вспомнив про дыру в полу, Какэру оглянулся на Киёсэ.

— Можно ему не говорить, — сказал Киёсэ. — Хозяин не придет осматривать здание, пока оно не рухнет.

Ванная комната находилась в глубине дома. В помещении для переодевания также стояла большая стиральная машина. На стене канцелярскими кнопками был прикреплен лист с надписью от руки кистью: «Стирка до 10 часов вечера. Нижнее белье предварительно сполоснуть». Написано было таким вычурным стилем, как на свитке, висящем

в нише-токонома в какой-нибудь традиционной гостинице. Какэру отвлекся, размышляя о разнице между формой надписи и ее содержанием, как дверь темной ванной комнаты внезапно открылась изнутри. Вместе с паром в комнату вошел чернокожий парень. От череды неожиданных событий Какэру опешил и резко сделал шаг назад, ударившись о стиральную машину.

Чернокожий парень посмотрел на Какэру и Киёсэ.

Вытирая тело полотенцем, он сказал совершенно без акцента:

— Добрый вечер, Хайдзи-сан. А это кто?

— Это наш новенький, Какэру Курахара. Какэру, это Муса Камара, студент по обмену. Живет в комнате 203 и учится на втором курсе инженерного факультета.

— Рад встрече, Какэру.

Муса стоял совсем голый и очень изящным движением протянул руку. Какэру, не привыкший к рукопожатиям, неловко схватил его ладонь.

Муса был примерно одного роста с Какэру, у него был задумчивый и спокойный взгляд. Все, с кем он сегодня познакомился, были шепутными парнями, поэтому Какэру почувствовал некоторое облегчение оттого, что наконец-то познакомился с кем-то рассудительным и спокойным. Хотя один вопрос не давал покоя:

— А почему ты мылся, не включая свет?

Муса расплылся в улыбке.

— Для закалки, — ответил он. — Когда мы забираемся в воду в темном месте, это вызывает в нас чувство тревоги. Совершая подобное действие, я стараюсь смотреть на себя со стороны. Тебе тоже стоит попробовать, Какэру, непременно.

Хотя Муса говорил на японском без ошибок, его устная речь звучала так, будто он читал написанный текст, что было довольно занятно.

— Я попробую.

В этот момент Какэру подумал, что обнаружил еще одного чудного парня здесь.

После того как Киёсэ и Муса вышли из комнаты для переодевания и Какэру остался один, он наконец выдохнул.

Какэру разделся, включил свет в ванной и стал намыливаться. Он давно не ходил в общественную баню и уже довольно долго не мылся как следует. Закончив с мытьем, он решительно выключил свет.

Муса был прав. Принимать ванну в темноте было не по себе и вызывало тревогу. Более того, в этот дом Какэру пришел впервые. Он не знал, что находится вокруг него, поэтому с размаху ударился голенью о приступку внутри ванны. Хозяин дома был пожилым человеком; вероятно, она служила ему подставкой для ног.

Какэру на ощупь проверил размер ванны и улегся, вытянув ноги, вода уже подостыла. В темноте она казалась тяжелой. Да и всплески воды, разносящиеся эхом в ванной при каждом движении, звучали как-то громче, чем обычно.

Он закрыл глаза. Страхи и тревоги, связанные с началом новой жизни, дрейфовали в воде вместе с ним. Он вспомнил разочарование на лице родителей, когда они бросили ему фразу: «Мы будем переводить тебе деньги, а ты делай что хочешь». Он вспомнил ряды домов, которые видел со стадиона каждый день. Звуки шкафчиков, которые его товарищи по команде с нескрываемым презрением с силой захлопывали. Все эти воспоминания разом всколыхнулись в нем, и Какэру погрузился под воду.

Дышать становилось все тяжелее, но он по-прежнему не выныривал и по привычке считал пульс. Когда он бегал, бывало и гораздо тяжелее, чем сейчас. Например, когда от гиперемии легких вкус крови подкатывал прямо к горлу. Но почему же он продолжал бежать? Может, потому, что

чувствовал радость от бега? А может, потому, что не хотел никому проигрывать, даже самому себе?

Сердце так громко стучало, что было понятно, где именно оно находится. Даже закрыв уши мокрыми руками, он все равно слышал, как звук сердца резонирует во всем теле. Наконец Какэру высунулся из воды и сделал вдох. В этот же момент он открыл глаза.

Из окна темной ванной комнаты он смог разглядеть Тикусэйсо. Зажглось еще несколько ламп. Свет мягко очерчивал контуры окон на фоне темного сада.

Какэру подумал, что Мусе, наверное, нравится принимать ванну, любуясь этим видом.

Когда он вернулся в свою новую комнату в Тикусэйсо, там уже лежало одеяло Киёсэ.

Дом постоянно скрипел. Особенно громким был скрип под потолком. Словно кто-то без передышки наступает на сухие ветки.

«Теперь здесь мое место».

Какэру накрылся одеялом и лег. Он чувствовал запах татами. Дом продолжал скрипеть, но он ощущал себя спокойнее, чем во время ночевок на улице.

Он закрыл глаза и сразу же погрузился в сон.

Муса Камара расстался с Киёсэ в прихожей Тикусэйсо и поднялся по лестнице на второй этаж в свою комнату.

Когда он только приехал сюда прошлой весной, ему ужасно не хотелось жить в деревянном здании, и он каждый раз с тревогой ступал по половицам коридора. В родном городе Мусы дом, в котором жила его семья, был каменным, в колониальном западном стиле. Он не мог себе представить даже, что бывают такие тонкие стены, когда слышны разговоры соседей, и узкие коридоры, в которых даже вдвоём разойтись сложно.

Но теперь Муса полюбил и само здание Тикусэйсо, и его обитателей — своих ровесников.

Муса подумал о Какэру, с которым его познакомили в ванной хозяйского дома. Хорошо бы с ним подружиться. Его движения были быстрыми и ловкими, словно бы он занимался каким-то видом спорта, а взгляд, которым он смотрел на Мусу, был слегка недоумевающим, но при этом решительным.

«Наверняка, — подумал Муса, — наверняка Какэру тут тоже быстро освоится».

Дверь в комнату 202, которая находилась между двух других по левой стороне коридора и перед комнатой Мусы, была слегка приоткрыта. Проходя мимо, он заглянул. В этой комнате жил Ёхэй Сакагути, студент четвертого курса социологического факультета, а в комнате 205, которая находилась напротив комнаты Мусы, жил Такаси Сугияма, студент третьего курса факультета коммерции. Они вместе смотрели телевизор.

— Добрый вечер.

Муса поздоровался, потому что ему захотелось с кем-нибудь поболтать. Ребята обернулись.

— О, заходи, — přátельски пригласили они.

Они угостили его холодным пивом с капельками на банке, а он сел в позу сэйдза* на татами.

— Кинг-сан, опять смотришь викторины?

Кинув взгляд на знаменитостей, шустро нажимающих кнопки в шоу, которое показывали на стареньком телевизоре с кинескопным экраном, Муса слегка удивился. Сакагути из комнаты 202 любил смотреть все викторины и даже

* Сэйдза — традиционный способ сидения на полу. Часто используется в различных церемониях, например чайной, или при занятиях традиционными боевыми искусствами.

записывать их на видеокассеты. В Тикусэйсо его в шутку называли Кингом, то есть Королем викторины.

— Разумеется.

В этот момент Кинг с силой ударил по коробке с салфетками, стоявшей рядом. А потом громко выкрикнул ответ на вопрос в телевизоре:

— Термы Каракаллы!*

Видимо, коробка из-под салфеток заменяла ему кнопку.

— Смотреть викторины с Кингом никогда не скучно, — рассмеялся Сугияма, жестом показывая Мусе, чтобы он пил пиво. — У него невероятная реакция!

Сугияму называли Синдо — «вундеркинд». Вначале Муса не понял, почему этого парня с такой спокойной манерой речи назвали Синдо — «вибрация». Но тот объяснил ему, что слово хоть и звучит так же, но записывается другими иероглифами.

— Я родился в деревне, запрятанной в горах. Мне требуется два дня, чтобы доехать до родных мест. Ты же знаешь слово «родные места»?

— Знаю. Целых два дня? До моей родины из Японии лететь сутки.

— Выходит, на возвращение в мои родные места нужно больше времени. Моя деревня — забытое богом место. Знаешь, что такое «забытое богом»?

— Не очень. Что-то вроде сельской местности?

— Ага, точно. В этой деревне меня прозвали Синдо — пишется как «дитя богов», а значит «вундеркинд»... Короче, я вундеркинд, но только в этой конкретной местности, богом забытой.

* Комплекс общественных бань, построенный в III веке нашей эры императором Септимием Бассианом Каракаллой. Располагается в Риме, Италия.

Обитатели Тикусэйсо обычно говорили с Мусой быстро и на сленге, не слишком обращая внимание на то, что он иностранец. Муса владел японским языком на уровне чуть выше среднего, однако сленг был ему не по зубам. И только Синдо старательно объяснял ему незнакомые и сложные слова. Благодаря ему Муса бегло говорил по-японски. Но, следуя примеру воспитанного Синдо, он старался по возможности не употреблять жаргона. Никотян, обитавший на первом этаже, иногда посмеивался, говоря: «От речи Мусы хочется спину выпрямить».

Попивая пиво, Муса некоторое время смотрел викторину.

В Тикусэйсо телевизоры были у Кинга, близнецов и Никотяна. В комнате Никотяна было так ужасно накурено, что к ней никто не хотел подходить. Кинг бесконечно крутил одни викторины. Поэтому, когда хотелось посмотреть какую-нибудь передачу, все обычно шли к близнецам.

Даже сейчас можно было слышать звуки телевизора из комнаты близнецов, но никаких разговоров. Видимо, они просто спокойно смотрели передачи без шумных гостей — сэмпаяв.

Между тем Кинг без прорыва продолжал бить по коробке с салфетками и отвечать на вопросы, доносящиеся из телевизора. И как только пустили рекламу, он взял пульт и перемотал вперед. Только теперь Муса понял, что это было записанное видео.

Прокрутив рекламу, он опять включил шоу. Сейчас там было другое задание, без кнопки. Кинг отвлекся от телевизора.

— Привет, Муса. Синдо молчит и смотрит викторину. Что-то невероятное происходит...

Не понимая, о чем это он, Муса покачал головой. Кинг повернулся лицом к Мусе и Синдо, которые сидели рядом.

— Отвечать, когда смотришь викторину, — вполне естественное человеческое желание. Ну вот, например: что получится, если написать иероглиф «зеленый» справа от иероглифа «рыба»? Там и хочется сразу же выкрикнуть: «Саба! Скумбрия!» А вот он сидит и молчит. Никакого духа соревнования.

— Кинг-сан, но ты же выкрикиваешь ответы, даже когда смотришь в одиночку, — заметил Муса, вспоминая, как почти каждую ночь слышал из его комнаты отдельные слова.

— Разумеется. Для этого и существуют викторины. Я действительно не понимаю тех, кто просто тупо сидит и смотрит, как статуя Дзидзо*.

«А что в этом такого?» — подумал про себя Муса.

— Что же в этом такого? — вслух возразил Синдо. — Мне кажется, ты, Кинг, в этом вопросе в меньшинстве. Не представляю, как можно так втянуться в игру, если ты не на самом шоу.

— Может, тебе попробовать подать заявку на участие? — вмешался Муса.

Кинг посещал сайты викторин в интернете и каждый день с энтузиазмом отвечал на вопросы. Он был настолько увлечен викторинами, что даже вступил в дымный ад, которого все боялись, чтобы одолжить компьютер Никотяна. Все обитатели Тикусэйсо с почтительного расстояния наблюдали за его страстью к конкурсам вопросов и ответов.

— Отвечать быстрее, точнее и больше, чем знаменитые короли викторины, находясь по эту сторону экрана, — наслаждение для истинных знатоков.

* Бодхисатва — защитник детей и путников. Статуи Дзидзо можно встретить во многих местах: в буддийских храмах, на кладбищах, на обочине дороги.

Кинг надулся от гордости. Он казался смелым, но на самом деле тушевался на публике и уж точно не смог бы пойти на телевидение. Вспомнив об этом, Муса больше ничего не говорил. Синдо тоже мягко поддакнул в ответ, не развивая темы.

Кинг, казалось, чувствует себя не в своей тарелке, поэтому Муса решил сменить тему разговора:

- А вы уже слышали, что в Аотакэ новенький?
- Когда он появился?
- Что за человек?

Мгновенно оба придвинулись поближе. Кинг даже уменьшил громкость телевизора. Видимо, это была интересная для них тема. Муса выпалил им все о встрече с Какэру в ванной.

— Я думаю, он только сегодня приехал. Хайдзи-сан сказал, что он поступил на факультет социологии. Хайдзи-сан выглядел довольным.

— У меня плохое предчувствие, — пробормотал Кинг.

— Почему? Какэру кажется серьезным и хорошим человеком.

— Кинг беспокоится не из-за его характера, — пояснил Синдо. — Ты ведь тоже это слышал, Муса? Как Хайдзи-сан жаждет заселить комнату сто три.

— Да, ну и что?

— В том-то и дело.

Сидя по-турецки, Кинг поставил локоть на колено и погладил ладонью подбородок.

— Муса, ты же тоже слышишь об этом с начала весны. Хайдзи только и делает, что бормочет себе под нос: «Еще один, еще один...» Ни дать ни взять Бантёсара Ясики*.

* Бантёсара Ясики — героиня старинной легенды; служанка, которую беспочвенно обвинили в том, что она разбила одно из десяти блюд, после чего убили. Но девушка вернулась в дом в виде призрака, чтобы пересчитать всю посуду.

— Что такое БАНТЁСАРАЯСИКИ?

— Это... — начал было объяснять Синдо, но Кинг перебил его, не дав закончить:

— Определенно что-то происходит. Хайдзи что-то замышляет.

— Почему для него так важно, чтобы в Аотакэ жили именно десять человек?

Синдо наклонил голову, задумавшись, а Кинг начал воодушевленно излагать свою версию:

— Я здесь уже четвертый год, но десять обитателей в этой обители... Каламбур случайно вышел...

— Понимаю. Продолжай.

— ...никогда вместе не жили. А почему? Да потому что здесь всего девять комнат.

— Действительно.

— Однако в этом году все изменилось. В двести первую комнату въехали близнецы. И тут Хайдзи стал подвывать, как призрак: «Еще один, еще один».

— Это правда, Хайдзи-сан, похоже, зациклился на десяти жильцах.

Муса тоже кивнул. На самом деле у Киёсэ был сдержанный характер: он не проявлял особых эмоций, какие бы беспорядки ни творились в Тикусэйсо. Однако в этом году все заметили, как он забеспокоился, найдется ли жилец для освободившейся комнаты 103. Муса тоже задался вопросом, почему Киёсэ так странно себя ведет.

— Что же произойдет, когда нас будет десять?

— Без понятия.

И хотя Кинг сам затеял разговор, теперь он потерял к нему интерес.

— Может быть, появится призрак, считающий тарелки?

— Сам завел шарманку «что-то нечисто, что-то нечисто», а теперь уходишь в молчанку?

Синдо поворчал на Кинга, который вынырнул из беседы и снова погрузился в телевизор. Кинг уже был поглощен викториной, не особо реагируя на слова товарищей. Муса и Синдо еще некоторое время обсуждали намерения Киёсэ, но так и не смогли прийти к определенному выводу и на этом прекратили разговор.

В комнате 202 на некоторое время воцарилась тишина.

Даже телевизор ждал ответа участника викторины, выдерживая огромную паузу. Кинг пробормотал:

— Во всяком случае, если с нами случится что-то плохое, Хайдзи даст нам знать. Он ворчит и отпускает ехидные замечания, когда пропускаешь уборку туалетов, но в остальном он хороший парень.

Муса согласился с ним. Киёсэ не сделает ничего такого, из-за чего обитатели Тикусэйсо могли бы оказаться в сложной ситуации.

У Мусы не было плохого предчувствия. Потому что, когда он сегодня встретил Киёсэ, тот выглядел вполне довольным. Примерно таким же довольным, как Муса в прошлом году, когда впервые в жизни увидел снег.

Глава 2

Гора Хаконе — самая крутая гора в мире!

Какэру бегал по десять километров каждый день — утром и вечером. Эта привычка осталась еще со старших классов.

Во время летних соревнований на втором году обучения в старшей школе, когда он был в лучшей форме и бегал

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

